

Сергей Говорухин дает интервью очень редко. Чуть ли не раз в пять лет. Когда я сказала, что хочу расспросить об отце, что все это в поддержку Станислава Сергеевича, его решения снова баллотироваться в Госдуму, согласился сразу. Сергей Говорухин известен как человек, который прошел чуть ли не все горячие точки. У него два боевых ордена и медали, точное число которых он так сразу не может и вспомнить. Вот уже пять лет он возглавляет Фонд ветеранов и инвалидов вооруженных конфликтов "Рокада". Он потерял ногу в Чечне в 95-м, он продолжает снимать кино.

как чувствовал. Родительская интуиция сработала. Он-то знал, что там, возглавляя Комиссию по Чечне в Госдуме. И сделал все возможное, чтобы я не улетел. Но мне все же удалось выбраться. Я четыре дня летел до Моздока, потом долго добирался до Грозного. Чтобы на второй день быть раненым. Там была такая мясорубка, что вообще трудно было уцелеть. Только через госпиталь аэропорта Северного за сутки 22 февраля 1995 года прошло 32 убитых, 130 раненых. А таких госпиталей-медсанбатов быстрого реагирования только в Грозном стояло штук восемь.

— Когда Вы очнулись, первое, о чем подумали...

он всегда был рядом в критические ситуации. Я пару раз sunulся к нему со сценариями и просьбой помочь запуститься, но он сказал: "Сынок, давай, ты сам". А что касается творчества, у нас были с ним и дебаты, и много он мне дал полезных советов и комментариев, которые мне помогли.

Я весь путь прошел самостоятельно. И это прекрасно. Долго получал стандартные, как под копирку написанные отказы со студий и из журналов. На каком-то этапе меня это раздражало. Но потом я понял, что все не зря — это была школа, я учился...

Я отцу очень признателен, что он меня не то что за волосы, вообще никуда не тащил.

Москва, Кавказ. 2005. 16 стр. - с. 3.



Говорухины: отец, сын, внук

СЫН ЗА ОТЦА ОТВЕЧАЕТ

Сергей Говорухин: "В критической ситуации отец всегда был рядом"

Сергей Говорухин жесток в суждениях, талантлив в прозе, не врет в своих документальных фильмах — "Прокляты и забыты" о Чечне и "Сочинение на уходящую тему" о ветеранах Великой Отечественной. Он помогает тем, кто прошел через войну, и знает об этом только те, кто эту помощь получает. Он не любит тратить время на ерунду и жалеет, что не так много, как хотелось бы, видит своих сыновей. В нем есть то, что можно объяснить просто — с ним спокойно. Потому что — мужчина.

— После фильмов о войне, я знаю, Вы начали снимать картину о любви. Расскажите, как так получилось...

— Я давно ее задумал. Она о любви, которой нам сегодня так не хватает, с другой стороны — философская история, которая, по счастью, лишена всего современного антуража — никаких криминальных разборок, никто никому не бьет морду, не бегают голые девушки. Фильм о молодых людях, им до тридцати. Главный герой повстречал женщину своей судьбы (что крайне редко происходит). И он делает выбор не в пользу героини — не остается с ней, а едет в командировку. Да и она бы отказалась от него, если б он поступил по-другому.

Рабочее название — "Никто кроме нас". Я сначала придумал, а потом вспомнил, что это лозунг Воздушно-десантных войск. Наверное, придется изменить.

Время действия — 94-й год. Герой в прошлом — военный корреспондент, воевал в Афгане... Теперь он едет на войну в Таджикистан. И мне, как очевидцу и участнику тех событий, хотелось поведать широким массам о той войне, о которой, по большому счету, никто ничего до сих пор не знает.

— То есть здесь есть и автобиографический момент?

— Конечно, в том, что касается военной части фильма.

— Вас продолжают держать эти события?

— Это же мой первый военный опыт. Существенная часть моей жизни. И дорогая для меня. Как дороги люди из нее, многие из которых уже нет... И мой долг — рассказать о той войне. Но военных действий в фильме не будет, только локальный бой. Правдоподобный, потому что снимать его буду я. Не в хвалу себе — просто я знаю, как это происходит.

— Каким должен быть Ваш герой?

— Ну, во-первых, он очень эмоциональный. Я люблю в людях контрастность проявлений характера. Во-вторых, вне всяких сомнений, должен быть интеллигентен, образован, талантлив. И, конечно, обладать мужской харизмой.

— А героиня?

— Необыкновенная. Из категории женщин, которые все понимают. Как Елена Сергеевна Булгакова. Вообще, все между ними должно возникнуть без слов и продолжаться на нюансах. Как говорил Гете: "Подробности — гений".

— Вы на войне давно были?

— Периодически езжу. Бродит "вирус" по организму, а вывести его и невозможно, и нет потребности. Там совсем другая жизнь, и есть в этом некий знак качества настоящего. Там я себя чувствую гораздо спокойнее, чем здесь.

— Почему потянуло в первый раз?

— Меня так воспитали. Когда служил в армии после школы на Дальнем Востоке, подавал рапорт в Афганистан, но не отправили. Когда заканчивал ВГИК, пытался поехать туда в качестве военного корреспондента. Снова не вышло.

В 94-м удалось заработать деньги на хорошую камеру, и мы поехали в Таджикистан, где тогда шла война. В конце второй командировки в некоторой степени оформился замысел картины, которую я сейчас снимаю. Но тут началась чеченская война, и все, что мы видели до нее, оказалось "108-й сказкой Шахерезады".

— Отец же сделал все, чтобы Вы туда не полетели...

— Да, препятствовал. Я об этом тогда не знал и не понимал, почему третий день не могу с Чкаловского аэродрома улететь. А отец

— В том-то и ужас, что я не терял сознания. У меня был пробит сосудистый нервный пучок, с которым соединена вся нервная система — ранение, в принципе, неоперабельное, но мне сделали первичную операцию и отправили на большую землю. А там... благополучно угробили, что привело к ампутации ноги... Помню, в госпитале парень рядом лежал, мы побеседовали, как водится: а тебя куда, а как, и я ушел в забытье. Через час очнулся, смотрю, а он накрыт простыней с головой. А мне казалось, он ничего еще...

Да, мне приходилось принимать участие в боевых действиях. У меня была своя творческая и гражданская задача. И я считаю, что я ее выполнил сполна в своей первой картине "Прокляты и забыты". Мне предлагали делать продолжение, я говорил: нет необходимости, поставьте в магнитофон кассету с моим фильмом, и это будет реалии сегодняшнего дня, хотя снимали 10 лет назад. Кассеты разошлись громадным по тем временам количеством — 80 тысяч экземпляров. Для документального кино в России это очень много. Но, тем не менее, центральные каналы ее не показали ни разу.

— Вы давно были в Чечне?

— Осенью прошлого года. С тех пор физически не мог больше. Если вы сейчас, через 11 лет после начала войны, побываете в Грозном, вы испытаете шок, потому что города-то нет.

— А в принципе можно этот узел развязать?

— Да. Надо выйти оттуда, прежде всего, и поставить границу с серьезным армейским усилием. Самолеты, поезда, автомобили, которые идут из Чечни, обязательно должны досматриваться. Только жесткий контроль. Туда идет столько денег якобы на восстановление, а они построили здание мэрии с палисадниками и гранитными фонтанчиками и все. К власти приходят люди, которые не хотят мира.

— Если б что-то зависело от Вас, чтобы Вы вообще в стране изменили?

— Для того чтобы страна жила хорошо, есть все слагаемые обстоятельства... Я бы начал с достаточно жестких заявлений, что пора вводить цензуру. Потом составил спецпроект о выводе отечественной культуры из кризиса. Ничего нельзя запрещать, а надо выдавить псевдокультуру, весь суррогат естественным путем. Чтобы наша молодежь стала другой. И лет через пять—десять мы можем выиграть это информационное поле идеологически. Я знаю, как это сделать.

И встал сразу вопрос: а что тогда делать с Министерством культуры? Я предлагал создать Государственный совет по творческому и нравственному аудиту. А Минкульт тогда надо или упразднить или преобразовать, потому что он выполняет функции в лучшем случае незначительного планового отдела — распределяет бюджетные средства.

Я озвучил этот проект нашему президенту в июле этого года. Меня пригласил советник по культуре Лаптев, и было решено, что будем дальше совместно разрабатывать. Ну на этом пока все. Я что-то делаю, моя супруга подбирает документы. Чтобы это тщательно разработать, должны подключиться юристы, специалисты во всех других областях искусства.

— А Станислава Сергеевича Ваш проект заинтересовал?

— Комитет по культуре в Государственной думе, который он возглавил в 96-м году, тоже выходил с достаточно жесткими предложениями по защите нравственности. Их тогда зашикали и чуть не запинали, и вот, видите, что происходит.

Наши стремления абсолютно тождественны. И под тем его проектом, и моим нынешним, я уверен, подписалась бы лучшая часть нашей интеллигенции, которая не разменяла себя на потребу.

Если отец попадет в Думу, мы могли бы сделать из этого серьезный документ, который он мог бы пролоббировать. У меня есть на это надежда.

— У Вас со Станиславом Сергеевичем вообще много общего? Вы сами замечаете, чем Вы похожи?

— Дети с точностью повторяют путь своих родителей. При условии, если родители правильно их растят. Меня отец растил правильно. Он мне никогда ни в чем не помогал, за что я ему бесконечно признателен. Но

Так, я считаю, и надо строить взаимоотношения с сыновьями после того, как они заканчивают школу. Ну не поступил в институт, иди в армию. Все правильно.

Но еще раз повторяю, в любой критической ситуации он всегда был рядом.

А похожи мы, наверное, независимостью взглядов. Некой резкостью суждений порой. Общее у нас — чувство товарищества, дружеского локтя. Он воспитан в горах — как альпинист. А я — в горах, будучи на войне. И благословенны те жены, что выносят наши сложные характеры. Вера у меня во всем замечательная. Она хороша такая, какая есть. (Улыбается.)

— С сыновьями много общаетесь?

— Меньше, чем хотелось бы. В силу занятости. Хотя очень люблю. И младшего, и старшего. Младший, Василий, это видит и начинает пользоваться. Он только в школу пошел. Мать его с утра поднимает — там такие "битвы при Ватерлоо". (Смеется.)

— Старший уже вопросы серьезные задает?

— Ну, конечно, Станислав — парень смелый. Ему уже почти пятнадцать. Я ему говорю: "У тебя все в семье режиссеры — дедушка, папа, мама!" А он в МГИМО собрался. Ну, посмотрим...

Меня как-то Лужков как известного родителя пригласил пообщаться со старшеклассниками. Я им сказал: "Поднимите руки те, кто не хочет стать юристами, программистами, финансистами и менеджерами". Три руки. Из них один выбрал профессию стоматолога, другой собрался в офицеры ФСБ, а девочка решила идти в актрисы. "А теперь объясните мне, кто, по вашему мнению, будет сидеть за рулем комбайна, служить в армии, точить детали на заводе, учить детей в школе, двигать науку?" Все они хотят что-то иметь, но не вкалывать, не работать. Я понимаю, они не виноваты. Но с этим надо что-то делать.

— Скажите, а что ваш фонд сделал?

— Фонд ветеранов и инвалидов вооруженных конфликтов "Рокада" существует около пяти лет. Мы ежегодно проводим всероссийские вечера памяти павших на чеченской войне — 11 декабря. Приглашаем со всех регионов России с оплатой билетов и проживания ветеранов, вдов, матерей. И под это мероприятие собираем максимальное количество средств, которые в течение года тратим по факту. На операции, на протезы, на учебу ветеранов. Мы как последняя инстанция. Когда некуда больше идти.

Ежедневные потери в Чечне: три—пять человек. До сих пор. Перемножьте это на месяц, на год...

Наш фонд три раза в год на сумму около двух миллионов рублей вывозит в Чечню гуманитарную помощь. Но. Она состоит не из еды и телевизоров. А из всего того, что родное государство своим бойцам не предоставляет. Именно: противоосколочные очки, тактические перчатки, нормальные бронезилеты, хорошие французские спальные мешки, которые чуть ли не в карман помещаются и т.п. То, что способствует выживанию солдата в этих условиях. С раздачей из рук в руки. И потом приезжали люди из Чечни и благодарили нас, потому что эти противоосколочные очки спасали им жизни.

— Вы отца поддерживали и на президентских выборах...

— Мне этого очень хотелось. Мой отец являет собой симбиоз очень многих достойных качеств: он талантлив, умен, мудр и понимает, зачем он в этой жизни и чего он хочет. И что очень важно, имеет два образования: одно из них техническое, второе — гуманитарное.

Я поддерживаю его и сейчас, потому что хочется, чтобы были у нас вменяемые депутаты. Мне даже сегодня из Госдумы одна женщина-депутат звонила: "Отец в Думу идет? Ну, если что, я рада всегда помочь". То есть людей радует, что он снова баллотируется, его ждут. Знают его как человека честного и незапятнанного. Что в этом кругу все равно, что провести месяц на море и ни разу не окунуться.

Екатерина МАСЛОВА.

Оплачено из избирательного фонда кандидата в депутаты Государственной думы по 201-му Университетскому одномандатному избирательному округу г.Москвы Станислава Сергеевича Говорухина.